

РАССЕКРЕЧЕНО

152 1

СОВЕРШЕННО-СЕКРЕТНО.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б)-

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю Вам первый протокол допроса арестованного участника антисоветской организации правых ХОДОРОВСКОГО И. И. от 19 апреля с.г.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР:

(Н. ЕЖОВ).

"28" апреля 1938 года.

№ 1032/33

ПРОТОКОЛ ДОПРОСАХОДОРОВСКОГО, ИОСИФА ИСАЕВИЧА.от 19-го апреля 1938 года.

ХОДОРОВСКИЙ И.И., 1885 года рождения, бывш. член ВКП(б) с 1903 года, бывш. начальник санупра Кремля.

Вопрос: Вы признали себя виновным в том, что являлись участником антисоветской организации правых.

Прежде чем приступить к допросу по существу вашей предательской работы, мы хотим уточнить вопрос о вашей партийности. Вы числились формально членом ВКП(б) с 1903 года. А фактически с какого года вы в партии?

Ответ: И формально и по существу я в партии с 1903 года.

Вопрос: Вы все время с момента вступления в партию были связаны с большевистскими организациями?

Ответ: Нет, были перерывы.

Вопрос: Большие?

Ответ: С 1910 г. и до февральской революции 1917 года я не был связан с большевистской организацией и вообще с революционным движением. Неоднократные аресты и вообще репрессии, применявшиеся ко мне царским правительством, утомили меня и я решил отойти от революционного движения.

Вопрос: А в период февральской революции вы связались с большевиками?

Ответ: - С февраля до апреля 1917 года я вообще не принимал участия в революционном движении, а в апреле я вошел в группу „интернационалистов“, возглавлявшуюся ДВОЙЛАЦКИМ-СОЛЬЦЕМ. В августе 1917 года я с этой группой порвал, а к большевикам я примкнул только в октябрьские дни.

Вопрос: - Это после того, как стало ясно, что большевики побеждают?

Ответ: - Общее настроение было в пользу большевистской партии. Период шатаний у меня прошел, я включился в партийную большевистскую работу.

Вопрос: - Будьте откровенны, ведь вы с большевиками никогда не были?

Ответ: - До 1910 года я являлся большевиком, а после даже уже будучи формально большевиком, я был подвержен шатаниям. Формально в антипартийные фракции и группировки не входил, но все время был связан с людьми, мировоззрение которых было несомненно антипартийным, меньшевистским. До вступления в организацию правых, я был на положении человека, который на словах за партию, а на деле оппозиционно настроен, ищет и устанавливает связи с недовольными элементами, с оппозиционерами.

Вопрос: - Говорите яснее. Называйте фамилии этих оппозиционеров.

Ответ: - В начале революции я работал в комиссариате труда под руководством НОГИНА. Это был человек правых

взглядов, склонявшийся к мысли о том, что Октябрьская революция преждевременно вызвана большевиками. С НОГИНЫМ я более близко знаком еще по совместной работе в Николаеве и в Москве по 1904-1907 г.г. Он в интимных беседах делился со мной своими взглядами.

Затем в течение шести лет я входил в состав Коллегии Наркомпроса РСФСР, состоявшей из правых и троцкистских элементов: ПОКРОВСКОГО, ЯКОВЛЕВОЙ, ХАЛАТОВА, МЕЩЕРЯКОВА и ЭПШТЕЙНА.

Я тогда определившихся взглядов не имел и сочувствовал как правым, так и троцкистам.

Коллегия Наркомпроса фактически представляла собой аппарат, враждебно относившийся к указаниям ЦК партии. Даже на официальных заседаниях коллегии высказывались враждебные партии взгляды.

Вопрос: Когда же вы окончательно "определились" как правый и когда вошли в антисоветскую организацию правых?

Ответ: Я подхожу к ответу на этот вопрос. Как вы видите из сказанного мною выше, я был подвержен серьезным колебаниям от генеральной линии партии. Я отрицательно воспринимал решения партии по усилению наступления на кулака и нэпмановские элементы.

Присутствуя почти постоянно на заседаниях СНК РСФСР, я связался с руководящими работниками Совнаркома: правыми ЛЕЖАВОЙ, СМИРНОВЫМ А.П., РЫСКУЛОВЫМ, КУВЯКОМ и ЛЕВИНЫМ. Мы часто обсуждали с позиций враждебных партии положение в

стране и высказывали озлобленность по отношению к руководству ЦК.

Все перечисленные лица, в том числе и я, считали себя сторонниками РЫКОВА.

Мы знали о его несогласии с политикой партии и целиком его поддерживали в этом.

В начале 1928 года ЦК, в порядке выводов по шахтинскому делу, предложил изъять из ведения Наркомпроса специальные учебные заведения. Я лично был настроен против этого указания ЦК. РЫКОВ, к которому я пришел по этому поводу, заявил, что он целиком меня поддерживает, что он в целом против выводов, которые ЦК делает из шахтинского дела. В процессе беседы РЫКОВ заявил мне, что он со мной давно собирается поговорить, ибо от СМИРНОВА и ЛЕЖАВЫ знает о моих настроениях.

Я подтвердил, что являюсь его, РЫКОВА, сторонником. РЫКОВ сказал, что от разговоров сочувствующего характера следует перейти к делу. Он предложил мне заняться организацией людей, которые сочувствуют нашим взглядам.

"Дело идет к тому, - заявил РЫКОВ, - что нам, разделяющим точку зрения о необходимости борьбы с политикой партии следует уже начать строить свою организацию на подпольных началах. Вы имеете опыт подпольной работы и поэтому на вас в этом можно положиться".

РЫКОВ сообщил мне, что он, БУХАРИН и ТОМСКИЙ принимают меры к тому, чтобы расставить свои кадры на наиболее важных участках советского аппарата.

Вопрос: Как вы выполнили поручение РЫКОВА?

Ответ: Я в тот период ничего не успел сделать, ибо вскоре уехал на работу в Италию в качестве торгпреда.

Вопрос: Перед выездом в Италию вы встретились с РЫКОВЫМ?

Ответ: Нет, с РЫКОВЫМ и другими участниками организации правых я возобновил связи после того, как я оставил работу в Наркомвнешторге и перешел на работу в комитет высшей школы при СНК. Это относится уже к 1932 году. С этого периода начинается моя активная работа в подпольной организации правых.

Вопрос: А в промежутке между 1928 г. и 1932 г. вы разве честно работали?

Ответ: Нет, не честно, к этому периоду относится установление со мной связи итальянской разведкой.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы были завербованы итальянской разведкой?

Ответ: Журналист итальянской газеты "Стампа" СЕСА Петр Николаевич перед моим выездом в Италию интервьюировал меня и поместил в итальянских газетах положительную заметку обо мне.

После моего приезда в Италию я с СЕССОЙ продолжал встречаться.

В беседах я высказывал ему взгляды антипартийного характера. Я говорил, что примыкаю к оппозиционному лагерю в СССР.

СЕСА воспользовался моей откровенностью и под угрозой, что он поместит в итальянских газетах статью о беседах со мной, ему удалось получить от меня согласие работать в пользу итальянской разведки.

Вопрос: Этой угрозы было достаточно, чтобы вы согласились стать изменником родины?

Ответ: Я понимал, что помещение компрометирующей меня статьи привело бы к моему разоблачению и отвергнуть сообщение СЕСЫ мне бы не удалось. В то же время мне было ясно, что свою угрозу СЕСА приведет в жизнь.

Вопрос: Через кого итальянская разведка осуществляла связь с вами?

Ответ: В Италии я был до 1930 года. Там со мной поддерживал связь по поручению итальянской разведки СЕСА Петр Николаевич.

В начале 1930 года я был назначен торгпредом в Турцию, где со мной связался резидент итальянской разведки - советник итальянского посольства КОХ.

В СССР я был связан с секретарем итальянского посольства ГАМЕЛЕРО Марио Джузепе.

В моих связях с представителями итальянской разведки были перерывы. В частности, после моего возвращения из Турции в СССР и до назначения на должность начальника санупра Кремля со мной никто не связывался.

Вопрос: Сомнительно, чтобы итальянская разведка вас подолгу не использовала.

Вам придется дать исчерпывающие показания по вопросу о вашей шпионской деятельности.

Вот мы вам показываем 15 фотокарточек. Вы узнаете среди них лиц, с которыми вы были связаны по шпионской работе?

Ответ: На фотокарточке, которая лежит третьей справа, я узнаю агента итальянской разведки СЕСА Петра Николаевича.

Вопрос: Сделайте на обороте карточки соответствующую надпись и подпишитесь.

Ответ: Я делаю следующую надпись: "На фотокарточке я узнаю агента итальянской разведки СЕСА, Петра Николаевича, с которым я был связан по шпионской работе."

Вопрос: Больше вы среди предъявленных вам карточек никого не узнаете?

Ответ: Нет, не узнаю.

Вопрос: Присмотритесь лучше?

Ответ: Повторяю, что не узнаю.

Вопрос: Что же вы себя оговорили или неправильно назвали лиц, с которыми вы были связаны по шпионской работе?

Ответ: Разрешите еще раз посмотреть фотокарточки.

Вопрос: Пожалуйста.

Ответ: (ХОДОРОВСКИЙ внимательно осматривает каждую карточку). Вот я узнаю секретаря итальянского консульства ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ, с которым я был связан по шпионской работе. (Карточка лежит 7-й с левой стороны). Я не узнаю его,

ибо он здесь выглядит более полным.

Вопрос: Сделайте на ней надпись.

Ответ: Я на ней делаю надпись аналогичную той, которая мною сделана на карточке СЕСА.

Вопрос: Расскажите, какие задания итальянской разведки вы выполнили в период вашей работы в Италии и в Турции?

Ответ: По заданиям итальянской разведки я проводил вредительскую работу в области внешней торговли СССР.

Вопрос: В чем конкретно выразилась ваша вредительская шпионская работа?

Ответ: Еще работая торгпредом в Милане, я имел задание от итальянской разведки, заключить монопольное соглашение на поставку нашего угля непременно с итальянской фирмой "Метеучи" и при том на очень выгодных для фирмы условиях (цена, кредит и т.п.).

Мне было сказано, что работник "Углеэкспорта" в Генуе БРАЙНИН мне представит такой договор на визу и что при помощи РАХОВСКОГО (не смешиваю с РАКОВСКИМ) из углеэкспортной организации Донбасса в гор. Москве, этот договор будет утвержден. Договор очень ^{не} выгодный для СССР, действительно, в результате моей визировки был заключен.

По заданию, полученному от итальянской разведки, мною был заключен договор на постройку двух пароходов для Совторгфлота с триестинской фирмой "Стабэлементотехника" на очень выгодных для фирмы условиях.

Кроме того я передал в итальянскую разведку ряд сводок с данными о вывозе из СССР в другие страны и ввозе в СССР из других стран товаров с указанием цен. Эти материалы я передавал на основании секретных сводок, которые рассылал Наркомвнешторг своим торгпредам.

В Турции, связавшийся со мной в 1930 г. резидент итальянской разведки КОХ дал мне указание затянуть возможно больше переговоры о новом торговом договоре с Турцией. Он заявил, что имеет сведения, что в Турции в ближайшее время будет издан новый закон, вводящий чрезвычайно строгие ограничения на ввоз иностранных товаров в Турцию. КОХ сказал, что итальянская разведка заинтересована в том, чтобы договор СССР с Турцией был заключен уже после установления нового закона.

Указание КОХА я выполнил. Переговоры о новом договоре я затянул почти на $1\frac{1}{2}$ года и они были закончены и подписаны в апреле 1932 года. Это все, что я сделал по заданиям итальянской разведки.

Вопрос: Вы пытаетесь размеры вашей изменнической деятельности сузить. Вы далеко не все говорите о ней?

Ответ: Я все сказал о своей шпионско-вредительской работе в период моей работы за границей. Прошу дать мне возможность восстановить в памяти все, что связано с моей шпионской деятельностью и на следующем допросе я дополню свои показания.

- 10 -

Я вернулся в Москву в апреле 1932 года, несколько месяцев был без определенной работы, осенью того-же 1932 года я был назначен заместителем председателя комитета по высшей школе. Здесь я связался с группой правых, вместе с которыми проводил вредительскую работу.

Вопрос: Назовите лиц, входивших в группу правых и скажите в чем выразилась ваша вредительская деятельность?

Ответ: В состав группы правых в комитете по высшей школе входили: А.П. ПИНКЕВИЧ, быв. меньшевик АСТЕРМАН, КОВАЛЕВСКИЙ Н.А., ДУБРОВСКИЙ и я - ХОДОРОВСКИЙ.

Руководящая роль в проведении подрывной работы принадлежала мне. Осенью 1933 года я восстановил связь с РЫКОВЫМ. Я сообщил РЫКОВУ о проводимой мною вредительской работе. РЫКОВ сказал, что мы должны организовать свою работу таким образом, чтобы вредительскими планами и программами озлобить профессуру и студентов.

С участниками группы я выработал и провел целую систему вредительских мероприятий в этом направлении.

В 1934 году я был назначен начальником лечсанупра Кремля и здесь я продолжал свою антисоветскую работу по заданиям организации правых.

Вопрос: Расскажите с кем вы были связаны в период вашей работы в лечсанупре и какие именно указания выполняли по антисоветской работе?

Ответ: С РЫКОВЫМ я встречался, но редко. Более частые встречи у меня были с Андреем Матвеевичем ЛЕЖАВОЙ и КАМИНСКИМ (бывш. Наркомздрав).

В 1934 году я встретился с РЫКОВЫМ и ХАЛАТОВЫМ.

РЫКОВ и ХАЛАТОВ предложили мне связаться с КАМИНСКИМ.

РЫКОВ сказал, что КАМИНСКИЙ даст мне подробные указания, но, - заметил он, вы должны иметь ввиду специфичность работы санупра и строить свою работу в соответствии с этим".

Вопрос: Неясно. РЫКОВ вам об"яснил, что подразумевает под этим указанием?

Ответ: РЫКОВ, отвечая на мой вопрос, в чем конкретно должна выразиться моя работа, сказал, что подробно со мной будет говорить КАМИНСКИЙ, но главная задача состоит в том, чтобы сколотить там группу правых.

РЫКОВ сказал, что вербуемых мною людей нужно воспитывать сперва на вопросах проведения антисоветской агитации и вредительских мероприятий по санупру, с тем, чтобы потом им можно было бы давать более серьезные поручения.

Однако смысла этих поручений РЫКОВ мне не раз"яснил.

Вопрос: Какие поручения вам дал КАМИНСКИЙ?

Ответ: С КАМИНСКИМ я связался вскоре после разговора с РЫКОВЫМ. Это было осенью 1934 года. КАМИНСКИЙ сказал, что по тем сведениям которыми он располагает я плохо отношусь к доктору ЛЕВИНУ. (Я действительно к нему относился плохо и хотел его заменить).

КАМИНСКИЙ сказал, что он и другие участники организации правых (фамилий он не назвал, но мне было ясно, что речь идет о руководстве правых) заинтересованы в сохранении ЛЕВИНА, как лечащего врача при членах Политбюро. КАМИНСКИЙ отказался детализировать свое указание заметив примерно так " вам не следует вмешиваться в его - ЛЕВИНА деятельность". Кроме того КАМИНСКИЙ просил сохранить на работе в Санупре заведывающую диетстоловой РОЗОВСКУЮ. Он сказал, что РОЗОВСКАЯ является старой троцкисткой и теперь связана с правыми.

Примерно тоже самое КАМИНСКИЙ говорил мне о докторе ТАЙЦЕ.

Здесь я должен указать, что ТАЙЦА и РОЗОВСКУЮ мне до конца сохранить в санупре не удалось. ТАЙЦ был арестован, а РОЗОВСКУЮ я вынужден был уволить ввиду ее разоблачения общественности. Отношение к ЛЕВИНУ я изменил оказывал ему содействие, но я прошу мне верить, что я по сей день не знаю, что именно он делал.

Вопрос: Какое же содействие вы оказывали ЛЕВИНУ?

Ответ: ЛЕВИН при заболеваниях ответственных работников, которых он лечил сообщал мне фамилии профессоров и врачей, которых он просил прикрепить к больному и я выполнял его требования не внося никаких корректив. Я помню, что наиболее часто ЛЕВИН просил в качестве консультанта ПЛЕТНЕВА.

Вопрос: Вы настаиваете, что не знали о практичес-

кой деятельности ЛЕВИНА?

Ответ: - Да, я настаиваю на этом. Ведь я не являюсь специалистом-медиком, следовательно, как администратор я мог оказать только содействие в том, чтобы самого ЛЕВИНА и нужных ему людей закрепить за соответствующим больным. Этим и объяснял причины того, что КАМИНСКИЙ не ввел меня в курс своих планов по Санупру.

Вопрос: Но вы оказали содействие ЛЕВИНУ как участнику антисоветского заговора?

Ответ: Совершенно верно.

Вопрос: Что же входило в задачу ЛЕВИНА?

Ответ: Я мог только догадываться, что здесь речь идет о медицинском терроре над теми ответственными работниками, которых ЛЕВИН лечил.

Вопрос: Перестаньте закидывать. Кто вам сказал, что ЛЕВИН занимается медицинским террором над ответственными работниками.

Ответ: Мне об этом сказал ЛЕВИН, когда он связался со мной, как с участником антисоветского заговора.

ЛЕВИН заявил, что он имеет задание умертвить КУЙБИШЕВА и Максима ГОРЬКОГО. Я закрепил ЛЕВИНА и ПЛЕТНЕВА, как постоянно лечащих врачей к ГОРЬКОМУ и КУЙБИШЕВУ. ЛЕВИН

меня о своей практической деятельности по умерщвлению КУЙБЫШЕВА и ГОРЬКОГО не информировал.

Вопрос: Теперь уже точно установлено, что ЛЕВИН и ШЛЕТНЕВ по заданию организации правых умертвили т.т. КУЙБЫШЕВА и Максима ГОРЬКОГО.

Какое отношение вы имели к этим чудовищным убийствам?

Ответ: Я уж показывал, что со слов ЛЕВИНА я знал о том, что он имеет такое задание.

Вопрос: От кого?

Ответ: Конкретно фамилии он мне не называл, но поскольку до разговора с ЛЕВИНЫМ я имел указания РЫКОВА и КАМИНСКОГО не мешать работе ЛЕВИНА, мне было совершенно ясно, что речь идет о связях ЛЕВИНА с организацией правых.

Таким образом моя роль в этом преступлении заключалась в том, что я, во-первых, знал о готовящемся убийстве КУЙБЫШЕВА и М. ГОРЬКОГО и, во вторых, обеспечил ЛЕВИНУ возможность его выполнения тем, что не отстранил его от посещения этих больных.

Вопрос: А о других преступлениях, которые были совершены ЛЕВИНЫМ вы знали?

Ответ: Нет, не знал.

Вопрос: Кто кроме ЛЕВИНА принимал участие в этих преступлениях?

Ответ: Я думаю, что ПЛЕТНЕВ, хотя на эту тему никогда ни с кем не говорил, но по тому, как ЛЕВИН настойчиво требовал у меня направления к больным для консультации ПЛЕТНЕВА, я делаю вывод о его причастности к преступлениям ЛЕВИНА.

Вопрос: Теперь скажите, когда с вами установила связь итальянская разведка?

Ответ: В конце декабря 1935 года ко мне на квартиру позвонил ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ и мы встретились с ним в Зоопарке, возле белых медведей.

ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ требовал от меня представления сведений о быте ответственных работников и я их ему периодически представлял.

Вопрос: Вы часто встречались с ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ?

Ответ: Всего я встретился с ним 4 или 5 раз. Он все время интересовался одним и тем же вопросом - характеристикой и составом семей ответственных работников. Я представил ДЖУЗЕПЕ материалы о большом количестве семейств ответственных работников - примерно до 400.

ТАЙЦ до своего ухода из санупра активно помогал мне в подборе сведений интересовавших итальянскую разведку ТАЙЦА я ввел в курс моей шпионской деятельности.

На одной из встреч ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ потребовал, чтобы я ему дал анализ и список ответственных работников больных шизофренией, нервными припадками, эпилепсией, пси-

хическим расстройством и половыми болезнями.

Он прямо заявил мне, что эти сведения нужны не только итальянской, но и разведкам других стран для показа перед массами того, кто мол управляет страной Советов.

Я использовал аппарат Санупра, подобрал данные о больных перечисленными болезнями и передал ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ. Я должен признать, что дабы удовлетворить ГАМАЛЕРО ДЖУЗЕПЕ я дал ему заведомо неверные сведения, причислив к больным, людей совершенно здоровых.

Такие вымышленные данные я представил ДЖУЗЕПЕ в отношении ряда руководящих работников.

При этом я действовал и как шпион и как участник организации правых, заинтересованный в дискредитации членов советского правительства.

Как ни омерзительна моя антисоветская деятельность, я рассказал следствию все до конца. Больше мне нечего рассказывать. Мне доверяли, я прикидывался скромным, дисциплинированным большевиком. Многие меня таким считали. Но я жил обманом много лет. Мне, наконец, самому легче, что я сбросил с себя маску двурушничества.

- 17 -

Вопрос: Ваши показания не исчерпывают всей суммы вашей подлой работы. Мы еще вернемся к вашему допросу и вам придется сказать всю правду.

Записано верно с моих слов, в чем и распишусь.

ХОДОРОВСКИЙ.

ДОПРОСИЛ: СОТРУДНИК ОСОБЫХ ПОРУЧЕНИЙ -
МАЙОР ГОСУД. БЕЗОПАСНОСТИ:

(КОГАН).

В е р н о:

ПОМ ОПЕРУПОЛНОМОЧ. 4 ОТДЕЛА ГРУБ - С. Кошмант -
СЕРЖАНТ ГОСУДАРСТВ. БЕЗОПАСНОСТИ:

(ПОЛИТОВ).